

Г.Н. Угренинов

Классика наоборот

Сценические этюды

Санкт-Петербург
2013

Угенинов Г.Н. Классика наоборот. Сценические этюды. – СПб.: РГГМУ, 2013. – 28 с.

© Угенинов Г.Н., 2013
© Российский государственный гидрометеорологический университет (РГГМУ), 2013

Содержание

Дездемона и Толик (версия классического сюжета)	4
Дама с собачкой (по мотивам одноименного рассказа Антона Чехова)	10
Кабан фаталист (по роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)	16
Эпилог	27

Дездемона и Толик

(версия классического сюжета)

Темная комната, освещаемая уличным светофором, который виден из окна. Окно большое. В полумраке можно различить неприветливую обстановку (полуобщезитскую), кроме двуспальной кровати, стоящей головной спинкой к окну. На полу там и тут разбросаны какие-то тряпки и обувь. Обои на стенах кое-где изорваны и висят клочьями. Около выключателя и розетки пятна (захватано грязными руками). Дверь в комнату светлеет (потом окажется, что она белая) слева от кровати, в ногах. В зависимости от переключения светофора всё в комнате освещается то зеленым, то желтым, то красным светом.

На кровати, положив ноги на спинку, головой к окну, лежит Толик. Он одет. По крайней мере на нем брюки и что-то вроде расстегнутого мягкого пиджачка. Одна нога в дырявом носке, другая босая. Ноги кажутся неправдоподобно большими и даже зловещими. Огромный палец все время шевелится и лезет в дырку носка, словно хочет вырваться на свободу и жить своей отдельной жизнью. Босая нога лежит спокойно. Луч светофора высвечивает нос Толика.

Светофор переходит на режим мигающего желтого света. Перемена освещения в комнате, мелькание теней выводят Толика из оцепенения. Левый глаз его приоткрывается, словно зажигается полуприкрытый рукой светофильтр фонарика. От глаза через комнату протягивается лучик и по стене скользит пятно зайчика. Постепенно полуоткрывается и правый глаз. Лучи от глаз идут не параллельно, а сикось-накось. Всю «борьбу» лучей за параллельность сопровождает музыка, усиливающая комичность ситуации. Мелодия вначале похожа на скрип с трудом открывающейся двери, постепенно переходит то ли в «Танец маленьких лебедей», то ли в «Танец маленьких утят». Толик борется с этим беспорядком: лучи дергаются, сходятся-расходятся, временами даже перекрещиваются у самого носа, и тогда крупным планом (*на большом экране сбоку сцены*) — лицо Толика. Да, он окосел. Но постепенно параллельность лучей более или менее устанавливается: Толик явно приходит в себя.

Толик (чуть приподнявшись на локтях)

Уж полночь близится, а в доме ни граммаульки...

(в этот момент на светофоре зажигается красный светофильтр. Зайчики на стене от глаз Толика краснеют, он это видит и констатирует)

И зайчики кровавые в глазах...

(светофор снова переходит на режим желтого мигания. Толик шарит по кровати, вернее лупит справа и слева от себя по постели: он что-то или кого-то ищет)

А где она... супруга (*это слово произнесено с иронией*)... мать её...
Все шляется, а толку никакого, —
Нет чтобы — в дом, хоть малость, хоть на донце,
Не выжрать всё самой, а принести, —
Так нет же...

(невнятное, двухсложное бормотание, на обоях глаза Толика, вспыхивая ярче, высвечивают слово «СУКА»)

Господи прости.

(строка произносится так: «Так нет же ... та-та... Господи прости»)

Толик в порыве порицания опять приподнимается на локтях и, отчаявшись в справедливости неба и земли, опадает на постель. Глаза гаснут. Затих.

Грохот за дверью. Слабо белеющая створка распаивается с треском. Из темного коридора вваливается Дездемона, цепляясь за косяк, при этом платье сползает с могучего плеча почти до локтя. Даже в полутьме заметно, что одежда дамы в явном беспорядке. Дездемона хватается за стенку сбоку от двери и, не сразу попадая, бьет, словно по комару — по выключателю. Щелчок, но свет не загорается. В этот момент глаз Толика снова вспыхивает, зайчик вяло движется от выключателя по пыльному растрепанному, обвисшему на оторванных роликах, проводу к лампочке. Крупным планом (*на большом экране сбоку сцены*) — лампочка. Огромная, а внутри оборванная спираль. Толик слабо кхекает. Глаз гаснет.

Дездемона

Нет, не горит... И в коридоре тьма...
Квартира, называется... Пещера...

Все это она произносит, стоя лицом к стене и хватаясь за неё руками, полусползая по ней на пол. Затем несколько выпрямляется, перебирая руками по стене, как будто карабкаясь по ней. Закрепившись в более или менее вертикальном положении, через плечо бросает взгляд на Толика: спинка кровати и ноги Толика сейчас находятся сзади Дездемоны.

Дездемона

А этот (*фыркает*) дрыхнет, хоть бы что ему...
И так всегда: как мышь, живу впотьмах, —
Ни лампочки, ни радости. Ах, ах!..

Произнеся «ах!», она пытается всплеснуть руками, но чуть не опрокидывается назад, в поисках опоры, бухается об стену и затихает в неудобной позе. Через некоторое время овладевает собственным телом, заметно ободряется, отталкивается от стены и, не без труда обретая равновесие, начинает оправ-

лять на себе платье. Нет сомнения, Дездемоне нравятся её стати. Оправляя наряд, она оглаживает себя, довольно хмыкает. Особое одобрение вызывает у Дездемоны её бюст. Она как бы взвешивает его, выпячивая и играя. При этом Дездемона все чаще и повадливей бросает взгляд в сторону Толика, у которого от всех этих ужимок и поглядываний недоуменно приоткрывается все тот же левый глаз. Не совсем, а едва-едва. Дездемону это очень ободряет, ей ясно: Толик не в полном отрубле, кое-какие надежды ещё могут исполниться...

Дездемона

Ты значит спишь. Нет дела до жены —
Супруги и хранительницы дома.
И это муж...

Толик

Отстань, не шебурши.

Дездемона

А всё ж, где наводящие вопросы:
(произносит это с явным жеманством, поводя всем своим женским естеством)
Мол, почему так поздно, где была...

Толик *(не открывая глаз и не шевелясь)*

Захлопни пасть: тут гибнет человек,
Качан трещит, да ты еще бормочешь...

Дездемона

А как же ревность, страсть, смятенье чувств!

На большом экране сбоку сцены проносятся ускоренные кадры с коленаклонными красавцами из немых фильмов, с маврами, с безумными глазами, черными руками на белой женской шее, и т.д. и т.п. Титры типа: «Ах!», «Увы!», «Умри!», «Я умираю.», и т.д. Почти каждый промелькнувший кадр Дездемона провожает жестом, как бы говоря — «ну вот», «теперь видишь, как это бывает у настоящих мужчин».

Дездемона *(продолжает)*

Что если я свидание имела,
Положим с Костей — Кассио иначе,
Ты, кстати, с ним знаком, а он с тобой...
Так вот:

(закатывает глаза, словно вновь переживая недавние счастливые минуты)
положим, яствами богат ...

Был стол...

В кадре какая-то подсобка, голая лампочка на проводе, синие шкафы с дырками на дверцах. Шаткий стол, накрытый много раз порезанной ножом

нечистой клеёнкой, на столе два кусочка колбаски, небрежно открытая консервная банка кильки в томате и торчащая из неё ломанная алюминиевая вилка, луковица, четверть неровно отломленной буханки черного хлеба, поллитровка исконного российского напитка и полупустая двухлитровая бутылка кока-колы.

деликатесные напитки...

Не исключено, что музыкальным фоном при этом станет мелодия песни «Два кусочика колбаски», (поёт Маша Распутина).

Беседа, задушевней в свете нет —
И всё вдвоём, в интиме, тет-а-тет...

На экране в ускоренном темпе: работяга в нестиранном синем комбинезоне и Дездемона хватают друг у друга из-под рук эти самые «кусочки колбаски», наливают, отхлёбывают каждый из своей стопки, глухо, без звона чокаясь ими перед отхлёбыванием, что-то друг другу рассказывают, едва проглотив питье и не прожевав закуску. При этом говорят оба одновременно, нечленораздельно и хохочут, но как-то невсклад, каждый по поводу своей байки. Коротко отхохотав, рассказчик мгновенно мрачнеет, чем-то озабочивается. И тут начинает хохотать второй. Однако, мрачней, и хохоча, оба зорко следят за закуской и выпивкой, которой уже почти и нет.

Толик, слушая все это, не открывает глаз, но Дездемона не сдаётся и в желтом мерцающем свете, виляя задом, приближается к кровати, садиться на край и, томно вздохнув, продолжает:

Дездемона
А дальше... ты не спишь?

Толик чуть приоткрывает глаз (слабый плоский лучик света); в общем-то источник света так себе — щёлка.

Что было дальше:

Касанья эти, молнии по членам,

Ускоренные кадры *на экране*: Дездемона под столом коленями ловит ногу собутыльника, он ногу отдёргивает. Но все-таки с какой-то попытки его нога попадает в тиски могучих дамских колен. Руками хватается за своё колено, высвобождая его из западни. Вырывается, но при этом опрокидывается на спину вместе со скамейкой. Дездемона, не теряясь, пользуется моментом, хватая стопку Кассио, опрокидывает себе в глотку, ставит на

место и, как ни в чем не бывало, постукивает игривыми пальчиками по столешнице. Кассио поднимается с пола, ставит скамейку на ножки, садиться и обнаруживает, что в стопке пусто. Вопрошающий взгляд на Дездемону. Сжимается в кулак лежащая на столе рука Кассио. Удивление на лице Дездемоны: «ничего не знаю, сам выхлебал». Демонстративный последний плоток из стопки — и Дездемона вне себя от негодования вскакивает, грудь её вздымается.

Дездемона

Как часто дышит грудь, но я горда,
Я не преступна, а ему беда...

Кадры на экране: Дездемона с невероятной скоростью бросается в дверь, ногой успевая повернуть поперёк комнаты свою скамейку. Кассио бросается за ней, ненавидяще глядя ей в затылок, а не под ноги, запинаясь о скамью, падает. Дверь за Дездемоной захлопывается. За дверью грохот и нечленораздельная брань. Дездемона летит вниз по лестнице (лестница железная, цеховая, перила из металлического прута). Кассио выскакивает на железную площадку, держась за ушибленное колено. Но Дездемона уже далеко, и Кассио, захлебываясь бессильным гневом, шлет ей вслед видимо нелестное, хотя и нечленораздельное напутствие.

Глаз Толика закрывается, гаснет и, кажется, надолго, пока хозяин не проспится. Но Дездемона не сдается.

Дездемона

Ты что же это, спать? Ну нет, подлец,
Тебя расшевелю я, наконец:
Ты Анатолий, значит — ты Отелло,

(хватает Толика, мотающегося как кукла, в охапку, душит его в объятьях)

Будь яростным, будь диким, мавра вроде...

(глаза Толика заинтересованно открываются, немой вопрос: «Кем, кем?». Тут же на экране проходят кадры, пародирующие рекламные ролики МММ и последние новости, связанные с Мавроди)

Да не Мавроди — мавром — скажет тоже,

(на экране кадры сменяются на сценки из немого кино, где Мавр ревнует и душит Дездемону)

Шекспировским, ревнивцем темнокожим.

(ещё крепче сжимает Толика в объятьях)

Души меня, терзай живую плоть,

Ещё меня ты должен заколоть —

(на экране крупным планом лицо Толика, немой вопрос: «Как?», «Чем?»)

Как то есть чем?!.. Не в сердце — много ниже...

(показывает, куда, увидев это и поняв в чем дело, Толик обмякает в руках Дездемона и возможно навеки закрывает глаза)

Дездемона *(продолжает)*

Но что с тобой, о боже, что я вижу?

Он умер, он не внемлет... Вот задачка!

(вскакивает с кровати, бросается к шкафу, что-то нашаривает в нём; теперь видно, что это бутылка, почти полная)

Его реанимирует заначка!!!...

Толик не просто открывает глаза, он их распахивает *(кадр на экране)*. Дездемона набулькивает ему полстакана. Толик опрокидывает жидкость в глотку. Его лицо светлеет, сама загорается неисправная лампочка, со стен стекает сияние: никаких дранных обоев – евроремонт. Допотопный, облезлый, черно-белый телик превращается в 3D плазменный телевизор. Экран сам наливается светом. Лань с экрана впрыгивает в комнату. Грязный носок на полу зеленеет и становится газоном (очертаниями и формой похожим на носок) с сочной травой. Дездемона и Толик пьют на брудершафт и обнимаются.

Дездемона

Мы спасены: ты жив, а я не пала.

Вместе

Природа не лишилась идеала!

Произнося это, Толик слегка икает, и Дездемона любовно шлепает его по затылку. Оба они поворачиваются к камере, прижавшись друг к другу щеками. Фото в ажурной кайме *(на экране)* и надпись: «Твикс – сладкая парочка»

Конец

Дама с собачкой

(по мотивам одноименного рассказа Антона Чехова)

Сцена 1

Скамья. По-видимому, на морской набережной в небольшом южном городке. На скамейке дама критического возраста. Одета по моде чеховского времени, но смелее, намного смелее — особенно по части оформления бюста. Дама нервно поправляет то рукавчик, то рюшечку, то ленточку. Достает платочек, прячет платочек. Ни с того, ни с сего вдруг отдается созерцанию морского простора. Может быть, негромко, но явственно восклицает: «О море, море...». Звучит тихая, приятная мелодия песни: «Море, море. пляж прибрежный...». При этом делает волнообразное движение рукою. Как бы ненароком, оглядывается: проверяет, оценил ли кто-нибудь её восторг перед морской стихией, а, может, и разделил с нею этот восторг. Но ни души. Где публика? Где хоть какой-нибудь заваливающий кавалер?

У ног дамы довольно крупная собака с розовым бантом на ошейнике. Умилно глядит на даму. Повторяет все движения дамы (естественно, на собачий манер). Живёт её жизнью. По некоторым признакам, включая розовый бант и ужимочки, видно, что это, кинологически выражаясь, — сука, только несколько экзальтированная.

За отсутствием двуногого собеседника дама обращается к собачке, наклоняясь к ней и напоказ, театрально лаская её (треплет по шерстке, чешет за ушками и т.д., и т.п.). Нет сомнения, что столь картинно выраженная любовь к животному — тоже часть роли, разыгрываемой дамой, авось кто-нибудь заметит, заглядится и скажет: «Как они обе милы — эта дама с собачкой! Как непосредственны их чувства друг к другу! Два прелестных существа! И прочее...» Но кавалеров не видно. Звучавшая мелодия как-то «скомкивается» и переходит в чавкающий звук. Рука дамы, следовавшая за всеми изменениями музыки, брезгливо отдергивается.

Дама (собаке). Зря мы тут торчим. И это называется «бархатный сезон». Вторую неделю брожу по набережной одна, как псих какой-то, — и никаких приличных знакомств. (Подумав). Тем более, неприличных. Хорошо хоть ты со мной. Хозяйева твои, небось, рады (собачка показывает, что и она рада). Им что: отдыхающая за жильё платит и псину их прогуливает. Куркули!.. (Собачка согласно кивает, но при словах «псина» и «куркули» слегка ворчит и даже оскаливает клыки).

Дама. А ведь со стороны мы должны выглядеть: я, что ни говори, в форме (встаёт, охорашивается, выгибает мощную спину, поводит бёдрами,

поправляет рюшки на груди, ещё больше открывая бюст). Вот ты для меня (собаке) несколько великовата да ещё хозяева просили не спускать тебя с поводка и сторониться кобелей: такой у тебя сейчас особый период. К сожалению, это ещё на неделю, а там и мне уезжать. *(Собака по ходу реплики выражает восторг по поводу форм и нарядов дамы, но грустно соглашается с тем, что этот особый период, действительно, имеет свои проблемы)*.

Дама *(продолжает)*. Вот если бы ты была такой беленькой болоночкой *(собака складывается буквально в комочек, стремясь уменьшиться до размеров болонки)*, я бы тебя брала на руки, подносила к лицу, целовала бы в носик. Ах, как это было бы чудно, как бы все это смотрелось. Но крупна, крупна. Что тут поделаешь.

Собака понимает каждое слово, она готова на ручки, согласна на поцелуи. Но что да, то да – крупновата. Обмеряет себя лапами... Горестно кивает башкой.

Дама бросает быстрый взгляд в сторону, торопливо опускается на скамейку, поправив подол платья *(собака при этом тоже приводит в порядок свой хвост, повторяя движения Дамы)*, принимает расслабленную, нарочито отдохновенную позу, слегка смещается влево на край скамьи, оставляя на ней, справа от себя, свободное место. Собака тоже перемещается к левому краю скамьи.

Справа появляется Кавалер в чересчур просторной для него полотняной паре и в соломенной шляпе *(всё явно местного производства)*. Невысокий, полноватый. На красном от загара лице усики, как у Чарли Чаплина. Но не похож на Чарли, совсем даже не похож: не тот шарм.

Останавливается, приподнимает в знак приветствия шляпу.

К а в а л е р. Честь имею. Позвольте присесть?

Садится, старательно поддёргивает брюки, чтобы не растягивались на коленях во избежание пузырей. Снимает шляпу, обмахивается ею, явно для форсу, а не от духоты.

К а в а л е р *(продолжает)*. Вроде бы и не жарко, а на солнце пригревает. Вы, как я вижу, из Питера?

Дама слегка медлит с ответом, но собака толкает её лапой: мол, пусть будет так, как ему кажется – пусть из Питера. Дама согласно кивает.

К а в а л е р. Сразу видно: и по одежде, и по манерам.

Дама довольна. Принимает изысканную позу, как-то по-особому складывает ручки. Что-то там делает с платочком: например, достает платочек,

обмахивается им так, чтобы были видны кружевца и прочее. В общем, входит в роль божественного создания и притом высококультурного. Собака подражает даме изо всех сил, а вместо платочка использует то поводок, то кончик собственного хвоста.

К а в а л е р *(продолжает)*. Позвольте представиться: Чмуров Дмитрий Дмитриевич, лучше попросту – Дмитрий. А Вас как величают?

Дама опять в некотором затруднении, но собака толкает её: мол, придумай, что хочешь.

Д а м а. Аделина Сергевна. Если коротко – Адель, то есть Ада. Вы, наверное, здесь весь сезон, судя по загару?

К а в а л е р. Да застрял, застрял. Сейчас-то пустовато, а ещё недели две назад здесь жизнь, как говорится, кипела...

Собака вскакивает и демонстрирует «кипенье жизни»: наливает из вообразимой бутылки в воображаемый стакан и опрокидывает налитое в глотку, замирает, как бы прослеживая движение жидкости по горлу, потом трясет башкой и вытирает лапой пасть.

К а в а л е р *(продолжает)*. Музыка на набережной *(собака изображает игру на скрипке)*, танцевальные вечера *(собака танцует на задних лапах что-то томительное, утонченное)*, для молодёжи – дискотека *(собака выделяет нечто совершенно непотребное)*.

Д а м а. Да – да. Как это важно: человеческое общение, интересные встречи... *(собака сопровождает ужимками каждое её слово)*. А сейчас, после шторма, и на пляже делать нечего: вода – бррр... *(собака осторожно как бы пробует лапой, не холодна ли вода, и отдергивает лапу)*.

Д а м а *(продолжает)*. Но ведь здесь наверняка есть какие-нибудь достопримечательности, руины? *(Собака корчит презрительную мину: дескать, и этой понадобились руины)*.

К а в а л е р. Руины, конечно, есть. Да тут *(обводит рукой окрестности)* почитай всё в руинах. А достопримечательностей нет. Вот разве дом, где я как бы квартирую: на первый взгляд обыкновенная мазанка, а, по слухам, в ней-то как раз и ночевал Лермонтов проездом в полк... *(собака хихикает, заслоняя морду лапами)*.

Д а м а. Да неужели. Как интересно... И сохранилась... Ведь столько лет прошло... *(собака деловито считает года по пальцам, точнее – по когтям передних лап. Когтей явно не хватает и она начинает считать по когтям задних лап)*.

К а в а л е р. Сто семьдесят пять! Почти двести лет! И всё осталось, как было. Даже тот же ворон прилетает по четвергам. Специалисты по птицам,

ну как их... орнитологи, утверждают, что ему уже при Лермонтове, то есть при Михаиле Юрьевиче, было лет семьдесят — хотя для ворона это детский возраст! Ведь триста лет живут и всё как огурчики... *(собака валится наземь, держась от хохота за живот)*.

Д а м а. Так сегодня же четверг...

К а в а л е р. А и верно, как это я запомнил: у моря времени как-то не замечаешь. Тогда позвольте Вас пригласить ко мне: пригубим винца... Я тут по случаю купил замечательного, из подвалов Абрау Дюрсо *(собака машет лапой: мол, всё враньё, типа «Стряхни лапу с ушей»)*. В этот момент Кавалер замечает собачью реакцию на его слова и недовольно хмурится. Собака спохватывается и чешет лапой себе за ухом... с древней птицей пообщается... *(собака подпирает лапой башку и покачивается, как бы говоря: «Какая чушь!»)*, и собачке Вашей будет развлечение *(тут собака радостно замирает, высовывает язык, и, замахав хвостом, вскакивает, выражая полную готовность развлечься)*.

Д а м а. Ну что же, с удовольствием воспользуюсь приглашением. А далеко ли Вы живёте? *(собака с готовностью показывает, что близко, совсем рядышком)*.

К а в а л е р. Да тут рядом: от помойки за пляжем и налево в горку.

Д а м а. Значит, мы с Вами почти соседи! А у меня и в мыслях не было, что прохожу мимо исторического строения! Там ещё где-то рядом пёсик последнее время начал подвывать... *(собака закатывает глаза и прижимает лапу к сердцу)*.

К а в а л е р. Верно — верно, есть один... такой голосистый!

Удаляются. Собака следует за ними, но оборачивается, весьма довольная развитием событий, и делает зрителям ручкой, вернее лапой.

Сцена 2

Обычный интерьер комнаты на юге России. Белёные стены. Слева дверь. Окно открыто. На низком столике бутылка с вином, стаканы. На тарелке несколько яблок. Дверь открывается, входит Дама, за ней Кавалер. В проёме показалась, было, морда здорового пса, но Кавалер грозит ему кулаком — морда скрывается.

Д а м а. А моей собачке нельзя в дом? Боюсь не забежал бы во двор чужой кобель: у неё, видите ли, сейчас, так сказать, особый период.

К а в а л е р. Чужой не забежит: забор высокий и подворотня заложена доской, — так что не беспокойтесь *(жестом указывает на тахту)*. Располагайтесь.

Дама. У Вас тут очень мило. Действительно, что-то из лермонтовских времён. А где же ворон?

Кавалер. Скоро прилетит. Расписание у него не очень строгое. Ну и всё-таки возраст! Немного путает время... А мы пока что отведаем винца (*наливает вино в стаканы, подает Даме, чокается с ней*)... За встречу! С приятным знакомством!

За окном во дворе какая-то возня, повизгивание, сопенье.

Кавалер (*продолжает, с явным удовлетворением прислушиваясь к законным звукам*). Видно уже на подлёте, вся окрестная живность готовится к встрече. Позвольте ещё вина...

Дама (*томно*). Ах, я, кажется, и так уже пьяна...

Кавалер. А Вы яблочком, яблочком закусите: оно и полезно, и нейтрализует.

Во дворе беготня, топот, стук и грюк.

Дама (*озабоченно*). Что такое? Не случилось ли что с моей девочкой?

Кавалер. Да нет, это Ваша собачка за кем-то гоняется. Может, за кошкой. Пусть побегает, это ей не повредит... (*пауза*). А тут вот как-то краснодарский экскурсовод рассказывал, что в этой комнате Лермонтов и написал то самое стихотворение про ворона. Там ещё ворон всё время каркает, почему-то на английском языке: мол, «моменто мори», то есть, по-нашему: «кранты».

Дама. Что-то не припомню у Лермонтова таких стихов. Может, речь шла об Эдгаре По? И ворон там произносит не «моменто мори», а что-то другое. Впрочем, неважно...

За стеной явно собачья драка. Дама встревожено привстаёт с тахты. Дверь с грохотом распахивается, в комнату врывается отнюдь не лермонтовская барышня.

В о ш е д ш а я. Они тут пьют, а во дворе Тимка с соседской сукой сперва слюбились, а теперь из-за кости дерутся.

Выбегает. Слышен её крик и собачий визг.

Дама (*вскакивает*). Какой такой Тимка? Вы же сказали, что никто во двор не забежит!

Кавалер. Извините, извините! Да, я сказал, что чужой пёс во двор не забежит, и отвечаю за свои слова, потому что Тимка здесь не чужой, а наоборот очень даже свой. Разве я не прав?

Д а м а (*возмущенно*). Но я же предупредила: у моей собачки особый период...

К а в а л е р. Ну, какая она Ваша, когда это соседская сука. И её особые периоды нас вот как достали (*проводит ребром ладони себе по горлу*): как период – так Тимка на ушах ходит, всей округе своим воем спать не даёт.

Д а м а. А я-то, я-то: Лермонтов, ворон, Эдгар По, руины...

К а в а л е р. Опять руины? Дались Вам эти руины! Ну да, живём здесь, как двести лет назад. Ни воды, ни газа... Короче, забирайте свою собаку. Всё! Привет Питеру!!!

Конец

Кабан фаталист

(по роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)

Сцена 1

«Знакомство с героем»

Интерьер казачьего дома. Белёная стена, на ней ковёр, на ковре развешано оружие: ружьё, сабля, пистолеты, четыре кинжала.

Г о л о с   з а   к а д р о м. Сразу понятно: Кавказ, Лермонтов, ружья, пистолеты, пушка на крепостном валу. Ну, пушка здесь, конечно, не представлена: не вешать же пушку на ковер — стена обвалится. В общем, налицо военный быт, то есть не на лицо, в смысле физиономии, а по факту. Да что там: «ещё звенят гитары струны, а командир уже в седле...». Ведь речь о ком? — о герое нашего времени, да вот он и сам...

На противоположной (справа от зрителя) стене освещается портрет офицера во весь рост. В правой руке у офицера — его фуражка, в левой — пистолет дулом вниз.

На заднем плане окно. Оно открыто. За окном «горы Кавказа», точь-в-точь такие же, как на коробках знаменитых когда-то папирос «Казбек». Снега на вершинах гор розовеют в лучах заката.

Посередине комнаты сидит на походном складном стульчике штабс-капитан Максим Максимыч, в расстегнутом офицерском сюртуке, без эполет, в черкесской мохнатой шапке и с коротенькой трубкой в зубах. Один ус его обрезан, другой опущен до подбородка... Штабс-капитан привычным жестом проводит по правому усу, но дойдя до другого — рука замирает на весу. Досадливо машет рукой.

Максим Максимыч покуривает и время от времени то вздыхает горестно, как бы вспоминая печальные события, то улыбается. В общем, штабс-капитан «предается воспоминаниям». Иногда дым из трубки так густ, что заволакивает вершины далеких гор.

М а к с и м   М а к с и м ы ч (*указывая трубкой на портрет*). Славный был малый, смею вас уверить, только немного странен...

При этих словах над головой Максим Максимыча пролетает с жужжанием то ли шмель, то ли пчела, а, скорее всего, обыкновенная муха. Максим Максимыч провожает насекомое взглядом, а на ожившем вдруг портрете офицер вскидывает пистолет и с левой руки стреляет в муху.

Пуля сбивает шапку с головы Максим Максимыча, горы за окном вздрагивают от выстрела. Печорин делает шаг из рамы, дует в дымящееся дуло пистолета, прислушивается и, не обнаружив признаков жужжания, прозносит:

Печорин. *Finita la comedia...*

Замирает в картинной позе, гордо вскинув подбородок.

Максим Максимыч поднимает сбитую с головы шапку, просовывает два пальца в простреленную пулей дыру, шевелит пальцами, демонстрируя размер прорехи, разводит руками, как бы говоря: «Сами изволите все видеть...». Вздохнув, Максим Максимыч продолжает:

Максим Максимыч. Да-с, с большими был странностями... Другой раз сидит у себя в комнате...

Затемнение.

Появляется столик у окна, ставня закрыта. За столом Печорин склонился над пасьянсом. Он в ужасе от расклада. Чувствует дыхание рока. Руки над картами, и как бы отталкивают то, что пророчат карты. Глаза безумны. Взгляд неподвижен.

Голос Максим Максимыча (*продолжение рассказа*). Вот я и говорю, сидит, бывало, в комнате. Ветер пахнёт...

От дуновения ветра из щели между ставнями со стола падает на пол карта. Печорин следит за её полётом. Крупный план: конечно, это дама пик. Лик дамы вдруг оживает и зловеще подмигивает Печорину. Печорин хватается за грудь, кашель сотрясает его тело.

Голос Максим Максимыча. Так вот, ветер пахнёт, уверяет, что простудился. Ставня стукнет — он вздрогнет и побледнеет.

Печорин вскакивает, мечется по комнате, ищет, где бы спрятаться.

Голос Максим Максимыча (*продолжение рассказа*). А при мне ходил на кабана один на один...

Затемнение.

Сцена 2 «Печорин и Кабан»

Печорин в бурке, в мохнатой черкесской шапке, с огромным кинжалом в ножнах, с множеством ружей за плечами (штук пять) и с длиннющим ружьём в руке. Герой не похож ни на охотника, ни на казака, ни на горца: он вылитый Робинзон Крузо с иллюстрации в книжке для детей.

Крадущейся походкой Печорин кругами движется по сцене. Он настороже: козырьком приставив руку к глазам, всматривается вдаль, нагибается к земле, ища кабаньи следы (может быть, даже нюхает след).

За Печориным следом плетется Кабан, которого охотник почему-то не видит, не слышит, знать не знает. Вставая на задние ножки, Кабан ощупывает многочисленные ружья охотника, со знанием дела оценивает достоинства и недостатки оружия (мимика, жесты). Забрав сбоку, Кабан однажды даже ухватился за ножны кинжала. Но нет: Печорин весь в поиске, он поглощен процессом охоты, он не замечает и даже, может быть, не желает замечать Кабана. Ещё не время настичь добычу!!!

Наконец, Кабан хватает за подол бурки и останавливает Печорина. Офицер оборачивается, видит перед собой Кабана и, загоразиваясь ружьем, пятится назад.

К а б а н. Не боись, ваше благородие, не боись: вон сколько у тебя оружия. А если не секрет, и пистолеты прихватил?

Несколько сбитый с толку, Печорин кивает в знак согласия.

К а б а н. Что-то я их не вижу, где ж они?

Печорин показывает, что пистолеты за пазухой.

К а б а н (*в восторге всплескивает передними ножками*). Вот он – русский офицер: открытость души, широта натуры! Ведь мог бы сохранить в тайне, а чуть я зазевайся – пиф-паф – пропадай моя свиная голова.

Удобно располагается возле пенька у ног Печорина. Жестом предлагает охотнику присесть.

К а б а н. Да ты присаживайся, ваше благородие: я дома, ты у меня в гостях.

Печорин пытается сесть на пенёк, но ружья за спиной и кинжал между ног не дают ему этой возможности. Печорин даже висает в воздухе, упи-

раясь в землю прикладами многочисленных ружей. Однако, Кабан довольно ловко помогает охотнику управиться с оружием и усаживает его (во время этой операции Кабан ловит и ставит на землю ноги Печорина, разбирается с его непослушными ружьями и т.д.), в общем, Кабан явно благонамерен и относится к Печорину, как к неразумному дитяти. Наконец, ружья составлены (Кабаном) в козлы и Печорин усажен на пень.

К а б а н. Так ты, значит, охотник, ваше благородие? (*Печорин кивает*)
А где же тогда твоя фляга?

Печорин достает из-под бурки флягу, а Кабан, откуда-то из-за пня – что-то вроде собственной чарки и для дезинфекции дует в неё. Готово, чистая! Подставляет чарку Печорину.

К а б а н. Наливай, ваше благородие. За встречу. (*Печорин отвинчивает крышку, наливает Кабану в чарку и себе в крышку*). Так сказать: «Поднимем бокалы, и сдвинем их разом!» Короче, будем! (*чокаются и пьют*).

Кабан, опрокинув чарку, делает выдох, трясет башкой, помахивает передним копытцем перед пастью и занюхивает мухомором.

К а б а н. Ох и крепка, ох и забориста! Ну, уважил! А то тут, наемдни, твой начальник, усатый такой, охотился на меня – ну это же никуда не годится, ну ни в какие ворота. Срам да и только...

Затемнение.

Сцена 3 «Максим Максимыч и Кабан»

Кабан сидит на пеньке с рашпилем и огромными ножницами (может быть кровельными). По всей видимости, наводит блеск на копытца передних ног, иначе говоря, делает маникюр. Всё это выполняется манерно: кабан отводит копытце в сторону, оценивает результат работы, что-то там ещё немного подпиливает, подстригает. Опять отводит от глаз копытце. Временами то оглаживает, то наоборот ерошит свои щетинистые бакенбарды. Словом, Кабан – денди.

Появляется Максим Максимыч. В руке ружьё. Идет по следу вокруг пня. Кабан с интересом наблюдает за перемещениями охотника, поворачиваясь на пеньке, как на вращающемся табурете. Даже убирает с дороги штабс-капитана кровельные ножницы и подтягивает к животу заднюю ногу.

Наконец, Максим Максимыч обнаруживает добычу и готов навести ружье, но Кабан жестом останавливает охотника, спокойно подымается с пенька и излагает свои условия.

К а б а н. Пусть так: один на один. Значит, дуэль. На шести шагах, иначе я не согласен. (*Максим Максимыч явно ошарашен, но кивает в знак согласия*) Превосходно, ваше благородие. Возражений нет: дуэль!

Проявляя завидное проворство и деловитость, Кабан отсчитывает шесть шагов и отмечает свою позицию, кладя на землю рашпиль и ножницы.

К а б а н. Итак. Кому начинать? (*достает из-за щеки монету*) Бросим жребий. (*бросает*) Орел!

М а к с и м М а к с и м ы ч. Решётка.

Нагибаются над упавшей монетой.

К а б а н. Ты счастлив, тебе начинать: «Паду ли я стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она...» (*с явным удовольствием цитирует поэта. Становится в шести шагах от штабс-капитана, как заправский дуэлянт, прикрывшись огромными ножницами и рашпилем, заменяющими ему дуэльный пистолет*)

Штабс-капитана кладет ружье на пень, достает из-за пояса пистолет, целится, спускает курок: шелчок — осечка.

К а б а н (*подходя к Максим Максимычу*). Сразу видно: магометанский пистолет. Эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны. При-знаюсь, не люблю их винтовок: приклад маленький, того и гляди щетину (*трогает свой бакен*) подпалишь. Ну, лады. Теперь моя очередь. (*пощелкивает ножницами, но без угрозы, а как бы пребывая в задумчивости*) А знаешь, ваше благородие, я отходчив: доставай флягу, может, поладим без репрессалий. (*слово «репрессалии» Кабан произносит с явным удовольствием и гордостью за свою просвещённость*)

М а к с и м М а к с и м ы ч. Не пью, дал заклятье, когда ещё был подпоручиком.

К а б а н (*не теряя надежды*). И с тех пор ни грамма!? А баклажечку захватил с собою — для друзей?

М а к с и м М а к с и м ы ч. Ни-ни.

К а б а н (*вскипая*). Зачем же тогда на охоту ходить: ведь это же что получается? — надругательство над священными традициями... И кошунство! Трезвенник выискался!

Гонится за Максим Максимычем, грозно шелкая ножницами.

Затемнение.

Сцена 4 «Дружеская беседа»

Печорин слегка в подпитии, но вполне владеет ситуацией. Кабан, наоборот, явно перебрал.

К а б а н. Эх, ваше благородие: «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» (*глядит на своё правое переднее копытце*) Ну, пусть не руку... Вот взять хотя бы меня: бродишь тут бродишь, а кругом одни свиные рыла. Да что там... (*махнет передней ножкой*)

Печорин наливает. Пьют.

П е ч о р и н. Верно, верно. Одиночество среди толпы – как это мне знакомо. Вот, бывает, «выхожу один я на дорогу», а спроси меня, зачем вышел на эту самую дорогу? – Не отвечу. Особенно, если «с винцом в груди».

Наливают. Пьют.

К а б а н (*не без некоторой игривости*). Но, ваше благородие, ведь все-таки случаются в жизни минуты, так сказать, отрады и восторга... Положим..., обнаружится рядышком свинка – такая розовая, такая, как бы это выразиться, магнетическая...

П е ч о р и н. Да – да, «но вечно любить невозможно».

К а б а н. Так точно, ваше благородие, не то, что вечно, а сколько-нибудь долго и то не получается. Даже перед свинкой как-то неудобно...

Наливают. Пьют.

П е ч о р и н. Не горюй, «вся жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг – такая пустая и глупая шутка...»

К а б а н (*хочет налить из фляги, но – ни капли..., встряхивает флягу – пусто*). Если бы просто шутка, а то ведь пустая, совсем пустая. (*снова встряхивает флягу*) В общем, кирдык. Я вот, ваше благородие, с некоторых пор «гляжу на будущность с боязнь». (*Печорин разводит руками, как бы не вполне одобряя такую постановку вопроса*) Вот взять, хотя бы твоего одноусого начальника или, положим, его казака – ну как ружьё у них когда-нибудь

выстрелит, то есть не даст осечки, ну как не промахнутся они в меня. За что это, спрашивается, мне: «За жар души, растроченной в пустыне, за всё, чем я обманут в жизни был?...»

Печорин. Напрасные страхи, трепыханье. Пока не приспел срок — живи себе спокойно, потому что на всё есть судьба, рок, фатум, иначе — предопределение. Ты веришь в предопределение?

Кабан (*мотает пьяной свиной башкой*). Не могу знать, ваше благородие.

Печорин. А ты послушай. Сидим мы как-то с поручиком Вуличем, наскучив бостоном и бросив карты под стол, ну и зашла у нас речь о предопределении: что только не придет в голову, когда засидишься за полночь...

Затемнение.

Сцена 5 «Фаталист»

Та же комната, что в первой и второй сценах, но вместо письменного стола, карточный (зелёное сукно), а над окном висит офицерская фуражка. За столом Печорин и Вулич (под столом ворох игральных карт). Портрета Печорина, разумеется, нет.

Вулич (*чернявый офицер, родом серб — резковатые манеры*). Согласен испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью или каждому из нас заранее предназначен роковой час.

Печорин. Предлагаю пари. Утверждаю, что нет предопределения (*высыпает горку червонцев на стол*).

Вулич (*продолжает глухим голосом*). Держу (*кладет на стол монеты, подходит к стене, снимает с ковра пистолет, садится за стол*).

Вулич (*продолжает*). Господин Печорин, возьмите карту и бросьте вверх (*карта — червонный туз — взлетает кверху, Вулич приставляет пистолет к виску и в тот момент, когда карта, трепещет в воздухе, касается стола, Вулич нажимает курок: осечка*).

Печорин. Слава Богу, я проиграл (*подвигает Вуличу горку проигранных червонцев*).

Вулич. Посмотрим, однако же, заряжен ли пистолет (*взводит курок, целится в фуражку — выстрел, дым заполняет комнату. Печорин снимает фуражку: она пробита в самой середине. Показывает фуражку Вуличу*).

Вулич (*продолжает*). Итак, мой час ещё не пробил.

Затемнение.

Сцена 6 «Кабан фаталист»

Печорин. Как видишь, все страхи твои напрасны: прошлая осечка у штабс-капитана была предопределена. Кстати, ты можешь хоть сейчас направить на себя, ну, положим, вот этот пистолет и нажать курок: уверен, опять будет осечка, тем более, что я с тобою, как говорится «наедине с тобою, брат», да ещё, сам знаешь, эти азиатские курки... – в общем, никакого риска. Ну, так как? «Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка»? Испытаем!

Кабан согласно трясет пьяной башкой, берёт из рук Печорина пистолет и приставляет дуло якобы к сердцу, но с правой стороны. Печорин дружески поправляет Кабана – фаталиста, указывая, где у того находится сердце.

Кабан согласен, громко икает.

Кабан. Извиняюсь (*стеснительно прикрывает передним копытцем пасть, при этом дуло пистолета у него соскальзывает под левую подмышку*).

Печорин (*продолжает*). Бросаю монету, как только упадет на пенёк или на землю – нажимай курок!

Бросает монету. Выстрел. Кабан валится с пенёка.

Печорин. Ну вот, готов! (*пытается приподнять Кабана*) Но туша нелегка: пора пойти покликать казака.

Затемнение.

Финальная сцена «Happy end»

Кабан лежит посередине какого-то сарая. Лежит на спине, голова запрокинута, передние и задние ножки его связаны и торчат вверх. Под перевязь продета суковатая жердь. Шерсть под левой кабаньей ножкой основательно подпалена.

Кабан (*не шевелясь*). «... с свинцом в груди лежал недвижим я...»

Тяжко вздыхает, пытается избавиться от пут. Не сразу, но ему удаётся освободить передние ножки.

К а б а н *(потирает места, которые были перетянуты верёвкой, обнаруживает опаленную шерсть под левой ножкой)*. «С свинцом в груди и жаждой мести, поникнув гордой головой!...»

К а б а н *(обнюхав опалённый участок, пытается встать, но чуть не падает — задние ножки еще связаны. Начинает распутывать и их, временами прерываясь на монолог)*. Так лопухнуться! И на чем — на фатуме! А все это зелье — напился как последняя свинья *(подумав)*, точнее, свин. А офицер-то, каков офицер! И как после этого верить людям? «Людей известно вероломство» . *(потрясает копытцем, как кулаком, в сторону незримых «вероломцев»)* Как там у поэта? «Клянёт он мир, где вечно сир. Коварность, зависть и любовь»... Хотя, вот от любви бы я не отказался. *(мечтательно подпирает передним копытцем морду)* «Люди к друг другу зависть питают; я же напротив...». Мне бы сейчас для восстановления душевного равновесия миловидную свинку, такую этакую... *(окончательно распутав задние ножки)* Ну, довольно: размечтался! Пора бежать отсюда! «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня»... *(заглядывает в оконце, пытается протиснуться — слишком узко)* Или как там ещё у поэта: «Я ищущу свободы и покоя!» *(толкает дверь — заперто. Натывается в углу на бутылки из-под чихиря. Радостно потирает копытца)* «Я б хотел забыться и заснуть». *(поднимает одну, другую, обнаруживает, что они пусты, с безнадёжным видом опускает бутылку и садится на пол)*

К а б а н *(продолжает)*. Вот так всегда: только подумаешь о приятном, только, как бы выразиться, воспаришь... Меня поймут те *(обращается к зрителю)*, «кто в жизни чувствовал напрасно и жизнь обманут был?» . Ну, казалось бы, что проще? Всего-то... оставить хотя бы на доньшке, а лучше до пробки. *(сидит на полу с обречённым видом, обнимая пустую бутылку)* «Мой крест несу я без роптанья: то иль другое наказанье?.. У бога счастья не прошу *(посмотрел на бутылку, тяжело вздохнул)* и, молча, зло переносу...»

В правом затемнённом углу сарая за всем происходящим, затаив дыхание, наблюдает молоденькая аппетитная Свинка. До поры её не видно, но солнечный зайчик из узкого окна постепенно перемещается в её укромный уголок. Внешний вид Свинки: коротенькая юбочка, розовый топик, виден пирсинг на пупке и тату на ляжке. Тату похоже на клеймо, каким метят домашний скот. По манерам и одежде Свинки сразу можно угадать в ней провинциальную простушку, пытающуюся подражать столичным фифам.

Как только Кабан замечает в углу сарая Свинку, его осанка и речь резко меняются: из похмельного свина он превращается в светского денди. Продолжает свой монолог, якобы не видя Свинки.

К а б а н . «И скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды... А годы проходят — всё лучшие годы! Любить... но кого же?» *(во время монолога Кабан прячет бутылку за спину, принимает картинную позу)*

Так одиноко в Большом Лесу! Ни поговорить, ни поделиться сокровенным. А родственной души и подавно не сыскать. (*поднимается с пола*) «Не знал я друга среди зверей, везде один, природы сын...» (*покосился на Свинку, про-веряя, какое произвёл впечатление*) И вообще: «В душе моей, как в океане, надежд разбитых груз лежит».

Кабан по-светски шаркает ножкой, задевает бутылку – бутылка разбивается. Посмотрев на осколки стекла, резюмирует:

К а б а н. Именно надежд, именно разбитых.

Свинка от звука разбитого стекла вздрагивает, опрокидывает пустое ведро, тем самым окончательно выдав своё присутствие. Делать вид, что он не замечает Свинки, теперь Кабану уже не имеет смысла.

К а б а н (*изображает удивление и восхищение, при этом старается незаметно отодвинуть ножкой осколки бутылки*). Как?! Такая молодая, такая прелестная особа и в таком неприглядном месте?!

С в и н к а (*нерешительно выходя из своего укрытия*). Живу я тут. А ты (*поправляется*), Вы кто?

К а б а н (*поправляет на голове воображаемую шевелюру*). Я жертва обстоятельств, дитя моё. Так бывает.

С в и н к а (*теперь заметно, что у неё во рту жвачка*). А-а-а... Типа, упал, потерял память, очнулся, гипс.

К а б а н (*обращается к зрителю, без пафоса*). «Печально я гляжу на ваше поколение. Его грядущее иль пусто, иль темно». А тут (*кивает в сторону Свинки*) точно темно. (*Свинка неловко задевает жестяное корыто, раздаётся звон железа*) «Да-а-а... пусто..., до звона пусто».

К а б а н (*продолжает, уже обращаясь к Свинке*). Именно так и случилось. Пришёл в себя и уязвлён. Как я здесь оказался?!

С в и н к а (*продолжая жевать жвачку*). А тебя, (*поправляется*), Вас казаки на жерди приволокли. А потом смотрят – ты, типа, живой. Только сбоку подпалённый. (*оживляется, начинает жестикулировать передними ножками*) Ну, и материли поручика ихнево: типа, «охотник, мать его». Кино, да и только.

К а б а н (*обращаясь к зрителю*). «Однако все её движенья, улыбки, речи и черты... Так полны чудной простоты».

К а б а н (*продолжает, обращаясь к Свинке*). Милое дитя, не наскучило тебе здесь тратить свои лучшие годы? Мир вокруг так огромен и прекрасен!

С в и н к а. Да, я б слиняла отседова. А куда бежать? В «Хоромы-2», што ли? Там таких и без меня навалом.

К а б а н (*к зрителю*). Всем хороша, пока рта не раскроет. Ну, что ж. Попробую тронуть её сердце.

К а б а н (*Свинке*). «За жар души, растроченный в пустыне, Наградю мою стань отныне...»

С в и н к а (*хохотнув*). Ну, ты выдал! То про океан надежд, то про жар пустыни. Это ты про Египет, што ли, намекаешь? Клёво! И говоришь прикольно. Сам придумал? Поэт, типа?

К а б а н (*гордо выпятив грудь и откинув назад воображаемую шевелюру*). «Нет, я не Байрон, я другой» — это всё из классики. А юная прелестница интересуется классикой?

С в и н к а. Неа. Я в классе на последнюю парту спецом садилась, чтоб к доске училка не вызывала. Но стишки могу выдать (*подумав*): «Ты целуй меня везде, восемнадцать мне уже...» (*жестикულიрует, начинает пританцовывать под звучащую музыку, отбивая ритм*). А-а-а... дальше не помню.

К а б а н (*Свинке*). «С отрадой тайною и тайным содроганьем, прекрасное дитя, я на тебя смотрю»...

С в и н к а (*продолжает*). Чё на меня смотреть, я не кино и не телик.

К а б а н. «Мы случайно сведены судьбою, мы себя нашли один в другом»

С в и н к а (*к зрителям*). О, прикалывается, перец.

С в и н к а (*Кабану — под мелодию песни Киркорова*): «Папик мой, я твоя свинка. Катер мой, я пассажирка. Я ночами плохо сплю, потому что я (*к зрителям*) слинять отседова хочу!»

К а б а н. «О мне ль не знать губительных страстей»

С в и н к а (*тоже стихами*). «Как бы мне влюбиться, чтоб не ошибиться...»

К а б а н. «И как Божии птички, вдвоём. Мы в широкое поле порхнём»

С в и н к а. «Забирай меня скорей, увози за сто морей»

К а б а н. Но как выбраться отсюда?

С в и н к а (*толкает маленькую дверь в том углу, где она вначале скрывалась*). Чё проще. Линяем!

Взявшись за руки, скрываются, еле протискиваясь в узенькую дверь.

Г о л о с   з а   к а д р о м .

Вот вам превратности судьбы,

А мы по-прежнему слабы,

Вернее, *слабы*... Только смех

Остался нам один на всех.

К о н е ц

ЭПИЛОГ

Как все это понимать, граждане: «Классика наоборот». Это же непозволительное кощунство. Взять хотя бы Отелло — этого героического мавра. Ну, супружницу свою он, что правда — то правда, задушил. Было дело. Тут уж ничего не попишешь. Как говорится, не вырубил топором. Но каков темперамент: прямо так вот за белое горло её. Мощь! А что показали нам: дырявые носки, предосудительное поведение, склонность к спиртному. Нет! И ещё раз нет!

Или «Дама с собачкой». Сколько там, у Чехова, тонких чувств и всякого такого! Хотя, конечно, курортные романы, как бы деликатнее выразиться, не пример для подражания. И всё-таки. А тут что? Где романтика, тонкие эмоции? Ну, надо признаться, образ собачки недурён, вылеплен зримо. У Антон Палыча собачкина роль несколько принижена. Может быть и напрасно.

А уж «Герой нашего времени» — гамма чувств и красот природы. Чего стоит только один воздух Кавказа: ведь чист и свеж, как поцелуй ребёнка. А Печорин — чем не герой!. Не скрою: с Бэлой получилось как-то не очень... Зато, какой наездник! Горская посадка, бешмет белый, черкеска темно-бурая. А стрелок! — Бац, в Грушницкого и — *finita la comedia*. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно. Но на кабана ходил, один на один. И без всяких там хитростей, как здесь только что нам показывали.

Так что искажение классического текста и поругание — налицо. Автору непростительно. А с вами я прощаюсь.

Литературно-художественное издание

Угренинов Геннадий Николаевич

Классика наоборот

Сценические этюды

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *Ю.И. Климов*

ЛР № 020309 от 30.12.96

Подписано в печать 13.05.13. Формат 60×90 1/16. Гарнитура Newton.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 1,75. Тираж 50 экз. Зак. № 174.
РГГМУ, 195196, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр. 98.
Отпечатано в ЦОП РГГМУ
